

„ГЛАВНОЕ В НЕМ ЭТО ЕГО ПРАВДИВОСТЬ“

Памяти И. С. Тургенева

Среди многочисленных, почти необозримых откликов, вызванных столетием назад болезнью и смертью Тургенева, через месяц после его кончины есть еще немало эпистолярных материалов, никогда не появлявшихся в печати. Они представляют несомненную историко-литературную ценность, а их собственно человеческое содержание волнует нас и сегодня, как будто это мы сами проявляем вполне понятный интерес к тому, как чувствует себя расхворавшийся на чужбине земляк-орловец, высказываем живые надежды на его непереносное и скорое выздоровление...

Вот долгожданная весть, хотя и не от самого писателя, но от близкого ему с первой половины 1870-х годов человека — усердного и добровольного помощника, исполнителя многих литературных и житейских поручений — Александра Васильевича Топорова, бывшего когда-то «нигилистом»: «Буживаль. 7 (26) августа 1883 г. Согласно данному мною обещанию, пишу Вам из Буживаля, куда меня пригласил Иван Сергеевич и где я живу десять дней.

О состоянии больного нового сказать Вам ничего не могу, на мой взгляд, он умирает от рака; впрочем, это моя догадка, так как с докторами я не имел случая говорить. При свидании, в Петербурге, я могу Вам кое-что сообщить, а теперь могу только сказать, что Тургенев просил меня отвезти его в Россию, мертвого, и похоронить на Волковом кладбище, возле Белинского.

На это я возразил ему, что я готов исполнить его желание при жизни, но какое право я имею, или буду иметь, после смерти его распоряжаться, — он мне ответил, что у него уже все распоряжения сделаны и написаны.

Надо Вам сказать, что он очень слаб, плохо слышит и говорить с ним довольно трудно.

Об остальном при свидании».

Адресатом этого письма был двоюродный брат Чернышевского крупный русский ученый-литературовед, а также публицист и критик Александр Николаевич Пыпин. После закрытия в 1866 г. «Современника», в котором он сотрудничал около 15-ти лет, Пыпин связал свою литературную деятельность до конца жизни с «Вестником Европы». В том и другом журнале впервые увидели свет многие произведения Тургенева. Его кончина, последовавшая 22 августа (3 сентября), побудила Пыпина срочно написать некролог, чтобы он мог появиться в сентябрьской книжке журнала, издатель и редактор которого находился тогда в Буживале. Наборная рукопись этой краткой безымянной статьи и ее корректура сох-

ранились в архиве автора, заставшего в первой же строке, что «русская литература потеряла одного из величайших своих деятелей». Наряду с тем, что было тогда сказано о Тургеневе в «Отечественных записках» Салтыковым-Щедриным, некролог, написанный Пыпиным, наиболее последовательно, среди бесконечного множества других откликов и статей, оценивает литературную деятельность умершего классика с позиции близкой ему прогрессивной части общества.

«Не много было русских писателей, которым бы выпали на долю столь горячие и прочные сочувствия, такая широкая слава. В течение почти сорока лет Тургенев стоял в первом ряду нашей литературы. Образование его литературного и общественного характера принадлежало сороковым годам, и он до конца, в разных отношениях, оставался представителем того склада идей — полуромантического идеализма, освобожденного из отвлеченных крайностей реальной поэзией Пушкина и направленное к лучшим стремлениям личного существования и общественной свободы. Деятельность его — после юношеских опытов — началась, когда Гоголь завершил цикл своих гениальных созданий; но Тургенев считал своим учителем Пушкина, который был для всей эпохи откровением художества, — но несомненно воспользовался и всем тем, что дано было русскому сознанию Гоголем. Высокий художественный талант, воспитанный многосторонним образованием, направляемый гуманным чувством, с первых рассказов привлек читателей, которые угадывали будущую силу. В тяжкие времена русской литературы, тогда и после, он дал ряд увлекательных или подавляющих картин, отражавших глубочайшие движения внутренней жизни русского общества; в тонком психологическом анализе личного чувства, в изысканном бытовом рассказе он умел подмечать эти внутренние симптомы жизни и приводить их к общественному сознанию».

Пыпин, приблизившийся в 1860-е годы к революционно-демократическому лагерю, не обошел идейных расхождений автора «Отцов и детей» с руководителями «Современника», идеалом которых был гражданин, а не огульный отрицатель-нигилист, весьма далеко отстоявший от тех, кого с полным правом можно было назвать новыми людьми. В то же время автор некролога безоговорочно заявил, что «среди общественных партий, Тургенев, при всех частных колебаниях отношений, среди всех проявлений враждебности, неизменно держался одного, рано продуманного убеждения — в необходимости для русской жизни широкого просвещения, в его сво-

бодной европейской форме, и в необходимости свободного действия общественных сил». Эти представления о писателе зрели у Пыпина еще в кругу «Современника», где начались и продолжались «Записки охотника», названные им позднее самым замечательным произведением Тургенева.

Как историк литературы автор некролога обратился к современникам умершего художника слова с просьбой высказаться о нем. На нее откликнулся Л. Н. Толстой в известном письме к Пыпину от 10 января 1884 года. Тогда же Чернышевский продиктовал в Астрахани сыну воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым. Рукопись эта была направлена 21 января 1884 г. Пыпину, который еще по опыту работы над книгой о Белинском, очень понравившейся Тургеневу, знал, что биографии не сочиняются, но составляют из материалов, часто уже собранных и напечатанных другими. В свое время ему охотно передал ради исторической истины герценовские и некрасовские письма Тургенев. Они стали фактической частью того дела, о котором Пыпин рассказал 11 ноября 1883 года в неопубликованном письме к М. М. Ковалевскому. Вот этот архивный документ вековой давности:

«Мне хотелось возобновить Вам свою просьбу относительно материалов для биографии Тургенева. Это, конечно, дело далекое, но мне хотелось бы понемногу подбирать материал. Прежде всего представляется мне не именн биография Тургенева — это дело слишком сложное и в данную минуту даже невыполнимое: но другая тема, очень близко касающаяся этой биографии, где важность материала остается та же самая. Иметь его больше я желал бы особенно потому, что у меня есть издавна чрезвычайно любопытный материал — из 50-х годов, который ищет дополнений и разъяснений другими подробностями. Приходит в голову и то, что вещи подобного рода у нас еще слишком подвержены опасности исчезновения от всяких причин, а особенно от неумения их ценить у людей, которым они случайно достаются от первых владельцев; и иной раз этот материал бросается и самими владельцами. Зачем же ему пропадать? Если припомните, у Вас была речь о гр. Л. Н. Толстом. Я не решаюсь к нему обращаться — за отсутствием всяких личных отношений и за присутствием, пожалуй, враждебных или недружелюбных литературных отношений с его стороны: я не знаю. Было бы в высокой степени любопытно, если б он сам написал свои воспоминания о Тургеневе, и со стороны тех, кто более или менее близок с Л. Н. Толстым, было бы

очень хорошо — побудить его к этому; как бы теперь ни сложились его взгляды на Тургенева, это опять для него сюжет автобиографический, потому что их отношения были очень близки. Но затем, если бы он и сделал это, он, быть может, — даже вероятно, — не стал бы входить в собственно историко-литературные подробности писем Тургенева (предполагаемых мною у него писем с половины 50-х годов), а эти подробности были бы для меня все-таки чрезвычайно интересны».

Толстой, как известно, откликнулся на эту просьбу и энергично поддержал начинание Пыпина, которое коллективными усилиями продолжается и теперь. «Очень сочувствую вашей работе, — писал величайший художник слова скромному труженику-литературоведу, — и очень интересуюсь ей. Я ничего не пишу о Тургеневе, потому что слишком многое и все в одной связи имею сказать о нем. Я и всегда любил его; но после его смерти только оценил его как следует. Уверен, что вы видите значение Тургенева в том же, в чем и я, и потому очень радуюсь вашей работе. Не могу, однако, удержаться не сказать то, что я думаю о нем. Главное в нем это его правдивость...».

Письму Л. Н. Толстого предшествовала информация, появившаяся в «Московском дневнике» газеты «Русский курьер», где сообщалось, что 5 октября 1883 года «происходило закрытое заседание членов общества любителей российской словесности, на котором обсуждался вопрос о том, как почтить память И. С. Тургенева. Общество предполагало для этого устроить публичное заседание, на которое пригласит известного писателя Л. Н. Толстого, обещавшегося сказать обширную речь о Тургеневе». Обстоятельства, воспрепятствовавшие осуществлению этого намерения, изложены в неопубликованных письмах В. А. Гольцева к Пыпину из Москвы в Петербург. 14 ноября 1883 г. он, в частности, сообщил, что московские власти, согласно предписанию из Петербурга, пригласили председателя общества С. А. Юрьева и «потребовали, чтобы речи на тургеневском заседании были отданы на предварительную цензуру. Юрьев возразил, что это противоречит уставу общества; ему возразили, что время нынче такое... Тогда Юрьев предпочел совсем не устраивать заседания». И оно действительно не состоялось фактически «по желанию или требованию начальства», которое «боялось, надо полагать, Льва Толстого». «Что хотел бы сказать Толстой — не знаю. Уверен, что он непременно обругал бы Церковь и государство».

Письмо к Пыпину Толстой закончил словами о том, что ему еще много хотелось бы сказать о Тургеневе: «Я очень жалел, что мне помешали говорить о нем». Настоячий инициативе ученого мы обязаны тем, что Толстой, хотя и в очень сжатой форме, но все-таки изложил свой взгляд на особенности творчества и личности старшего современника-писателя, воздействие которого «на нашу литературу было самое хорошее и плодотворное. Он жил, искал и в произведениях своих высказал то, что он нашел — все, что нашел».

В. ГРОМОВ.
Кандидат
филологических наук.